
Л.А. Паутова
(Омск)

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СТАБИЛЬНОСТИ¹

В статье рассматривается проблема изучения многомерности и противоречивости социальных представлений на примере повседневного представления о стабильности. Для анализа многомерности представлений предлагается комплексное использование различных исследовательских стратегий. Одни методики могут быть привлечены для выявления рефлексивного и нерефлексивного уровней представления о стабильности, другие – для изучения эмоциональных доминант, третьи – для построения когнитивной схемы представления и анализа скрытых взаимосвязей. Комплексное использование методов позволило сделать вывод о том, что стабильность является социокультурной конструкцией, продуктом воображения, интенцией, игрой.

Ключевые слова: повседневное сознание, представление, репрезентация, психосемантические методы, метафоры, визуальные образы, когнитивная схема.

Лариса Александровна Паутова – кандидат социологических наук, доцент Омского государственного университета. E-mail: pautova@univer.omsk.su.

¹ Поддержка данного проекта была осуществлена Программой «Межрегиональные исследования в общественных науках», Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США), Министерством образования Российской Федерации за счет средств, предоставленных Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Мак-Артуров (США) и Институтом «Открытое общество» (фонд Сороса). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

Проблемы изучения социальных представлений

В рамках нашего исследования предполагается обращение к традиционной для любой сферы познания проблеме: проблеме соотношения реальности и представления (репрезентации). Мераб Мамардашвили заметил, что «всякая реальность нам дана представлениями о ней» [1, с. 30]. В самом общем смысле представление (репрезентация) относится к процессу и результату соотнесения (отсылки, обращения, передачи, отношения, направления). Более конкретно представление может быть определено как когнитивный артефакт, как сущность произвольной природы, выступающая в познавательной деятельности человека в качестве заместителя некоторой другой сущности. В какой бы теоретической системе мы не рассматривали представление, важно, что это – способность сознания замещать нечто другое из окружающей реальности. Репрезентация – это ключевая «культурная практика, какова бы ни была ее негативная сущность, практика перевода с одного языка на другой или включения до- и внесемиотических феноменов в культурный мир: вне репрезентации просто ничего не существует. Реальность репрезентации – это единственная реальность, которой мы располагаем» [2].

С социологической точки зрения социальное представление может быть рассмотрено как особая форма социального знания, возникающая в результате соотнесения индивидуального и коллективного сознания с реальностью¹ и одновременно являющаяся важным фактором социального конструирования реальности. Представление имеет знаковую природу; состоит из образов, понятий, объяснений, норм, ценностей; выполняет социальные функции (связывание человека и окружающего мира, ориентации личности в мире, передачи опыта, социализации и т.п.).

¹ Понятие «реальность» определяем, следуя П. Бергеру и Т. Лукману, как качество, присущее феноменам иметь бытие, независимое от нашей воли и желания (мы не можем от них «отделаться» [3, с. 9].

Концептуальное многообразие изучения представлений обусловлено наличием двух теоретико-методологических проблем. Первая проблема связана с осмыслением оппозиции «экзогенное/эндогенное». По мнению К. Джерджена «...экзогенный теоретик, скорее, рассматривает внешний или материальный мир как данность и выдвигает предположения о том, каким образом природа точно репрезентируется в сознании, в то время как эндогенный мыслитель рассматривает мир как самоочевидный ментальный мир и ставит вопросы о том, что делает сознание для того, чтобы адекватно функционировать в природе» [4]. Экзогенный подход характерен для теории отражения, эндогенный – для интенциональных теорий представления.

Вторая теоретико-методологическая проблема рассматривается в контексте традиционной для социологического анализа оппозиции «индивидуальное – социальное». Представления изучаются либо применительно к сознанию изолированного индивида (бихевиористская и когнитивистская теория), либо анализируются в аспекте их социального происхождения и социального воспроизводства (социальный конструктивизм, аутопойетическая теория, социология знания).

Теоретико-методологической основой нашего исследования послужили разработки *социального конструктивизма* (теория социального конструирования реальности П. Бергера, Т. Лукмана, теория социальных представлений С. Московичи, Р. Харре). Конструктивизм позволяет анализировать представления как динамический социальный процесс группового конструирования социального объекта. Основная функция социальных представлений – связывание мира и человека. Социальные представления (СП) – это своеобразная социальная призма, через которую воспринимается (предстает) реальность. При этом СП не являются реакцией на раздражение (бихевиористское понимание), ни «отражением», «фотографией» мира (когнитивизм) [5]. Представление – это результат социального действия. СП выступают и как конституи-

рующие блоки обыденного знания, и как строительные блоки реальности. При этом СП – это «не представление об объекте, существующем независимо от социальных субъектов, это и есть объект, который не может существовать независимо от действующих социальных объектов» [Цит. по: 6, с. 33]. Конструирующая сущность СП проявляется в том, что «представленное» превращается в «реальное». Это самый сложный *социальный* процесс, разворачивающийся за счет *социальной коммуникации* и *языка*.

Социальное назначение представлений видится не только в освоении и конструировании мира. Они обуславливают поведение индивидов и предписывают мыслить и действовать определенным образом.

Однако, исследуя представления, социолог также неизбежно сталкивается с проблемами иного рода. В связи с невозможностью прямого изучения репрезентаций, исследователь прибегает к формализации, которая однако неизбежно упускает целый ряд составляющих. Вместе с тем повседневное представление многомерно и противоречиво. И не только потому, что оно – важная часть обыденного знания, которое в свою очередь отличается специфической структурой. Но и потому, что представление – это звено в переходе от ощущений к рациональному познанию. Оно обладает интегральным характером, т.е. сочетает образы, оценки, коннотации, понятия.

Выделим некоторые важные для нас характеристики социальных представлений:

– *обладают диалоговым характером: сочетают элементы предсознательного, мифологического, эмоционально-чувственного, детского, рационального, научного, квазинаучного сознания;*

– *носят индивидуальный (чувственные образы, личные смыслы) и коллективный характер (социальное знание);*

– *имеют ядро и периферию;*

– *сочетают элементы осознаваемого и неосознаваемого;*

– *имеют эмоционально-оценочный и ценностный характер;*

– опираются на актуальный дискурс;
– обладают знаковой природой и при этом способны сочетать сразу несколько систем обозначения (семиологических систем): «знак-денотат», «знак-воображаемый денотат», вторичная мифологическая система.

Целью исследования является анализ многомерности повседневного представления о стабильности и выявление особенностей смыслополагания стабильности¹. Многоуровневый характер представления требует комплексного использования различных методов. Соответственно для послойной реконструкции репрезентации стабильности использовалось сразу несколько методик, что, возможно, позволило актуализировать различные уровни социального знания. Предполагается, что традиционный анкетный вопрос при всех его достоинствах может не вывести социолога на некоторые важные составляющие репрезентации. За основу изучения многомерности представления была взята концепция со-

¹ Достаточно нейтральное отношение к этой теме в 70–80 гг., когда стабильность представлялась само собой разумеющимся явлением советской жизни, сменяется огромной популярностью в 90-е гг. Тематизация и проблематизация стабильности весьма широка: от привычного рекламного слогана «STIMOROL – неповторимый устойчивый вкус», ставшего уже почти крылатым выражением, до респектабельного девиза «Хороший банк – устойчивый банк». От рецепта тортов «Равновесие» и «Хаос» в кулинарной книге до идеологии стабильности пропрезидентской партии «Единая Россия». А в газетах все чаще читаем: «Мистер Стабильность», «Человек стабильный», «Остров стабильности», «Стабильность – признак мастерства», «Конкурс предпринимателей “Лидер-стабильность”», «Стабильность, господи, стабильность!», «Выставка “Дуга стабильности”» и т.п. Об актуальности идеи стабильности в современном российском обществе красноречиво свидетельствуют данные социологических исследований (ВЦИОМ, ФОМ и др.). О важности понятия «стабильность» для обыденного сознания говорит и включение этого слова в «Толковый словарь русского языка XX века. Языковые изменения». Появляется даже жаргонное слово, сочетающее корень «стабил» и суффикс распространенного слова из лексики мата («-ец»). Этот эвфемизм подчеркивает экспрессивность идеи стабильности, неудачи попыток стабилизации, страх перед будущим.

циального представления *Сержа Московичи*. Традиционно в теории социальных представлений выделяют следующие *компоненты*.

1. Когнитивный уровень («информация» по С. Московичи). Очевидно, название «когнитивный уровень» пересекается с такими понятиями, как «наличное знание» А. Шюца, «значения» А.Н. Леонтьева, «категориальные структуры» В.Ф. Петренко, «личностные конструкты» Дж. Келли, «концептуальная структура» Ф. Джонсон-Лэрда и др. В самом общем смысле когнитивный уровень – это результат познавательной деятельности человека, та содержательная информация, которая уже стала продуктом человеческой обработки и структуризации знаний. В свою очередь важно выделить *рефлексируемое* и *нерефлексируемое* измерение когнитивного уровня представления. Рефлективное мышление в рамках обыденного сознания возникает в случае затруднений, проблемных ситуаций, когда привычные действия внезапно прерываются и представляют собой «вызов установившимся, привычным способам мышления и действия» [7, с. 66]. Нерефлексируемые познавательные структуры также играют большую роль в социальных представлениях. Человек может не осознавать, как протекает процесс создания репрезентации мира, на какие законы он опирается, какие элементы при этом используются. Пример когнитивного бессознательного в представлениях – это применение архетипов.

Нерефлексируемые и рефлективные значения могут быть согласованы или противоречивы. Их выделение и анализ представляет серьезную и до конца почти невыполнимую задачу для исследователя, поскольку между этими двумя рядами явлений нет четко выраженной границы.

Для изучения когнитивного уровня представления о стабильности были использованы следующие методы.

Полуформализованное интервью (35 респондентов). Для выявления рефлексируемых значений стабильности применялся способ интерпретации, толкования понятия. Необходимо было «заставить»

респондентов «погрузиться в значение»: осмыслить, сопоставить, объяснить слово. В гуманитарных и социальных науках эта цель удачно достигается при помощи различных методов: интервью, лингвистического эксперимента, фокус-группы и др. Основным принципом интервью выступали недирективность и феноменологичность. В нашем случае респондентам последовательно задавалась серия открытых вопросов с целью послойной актуализации значения понятия «стабильность», например: «Что, по Вашему мнению, означает слово “стабильность”?», «Что означает, по Вашему мнению, стабильность в обществе?», «Как, по Вашему мнению, можно оставаться стабильным в нестабильном мире?», «Какие чувства у Вас возникают, когда Вы размышляете об этих стабильных периодах прошлого страны?», «Какие периоды или моменты Вашей собственной жизни, которые Вы считаете наиболее стабильными?», «Как Вы оцениваете Ваше собственное настоящее с точки зрения его стабильности?» и др.

Фокус-группа. В исследовании использовались данные групповой дискуссии «Стабильный я в нестабильном мире», проведенной со студентами профтехучилищ¹. Наблюдение за рассуждениями участников позволило выявить несколько схем интерпретации стабильности (фреймов) и зафиксировать сбои и противоречия в индивидуальном и коллективном понимании стабильности (например, путаницу в понятиях «стабильность» и «равновесие»).

Массовый опрос. В исследовании использовались данные массового опроса Фонда «Общественное мнение»: «Что такое, по Вашему мнению, стабильность в обществе, в государстве?» (13–14.01.2001), «Перемены и стабильность» (06.02.2003). Общероссийская выборка – 1500 человек [8]. Открытые вопросы зафиксиро-

¹ Фокус-группа «Стабильный Я в нестабильном мире» проведена А.О. Антоном на базе центра профилактики наркомании, КДЦ «Химик», г. Омск, 2002 г. Участники – 10 человек, студенты профтехучилищ г. Омска.

ровали важные структуры когнитивного уровня представления о стабильности: «социальный аспект стабильности», «экономический аспект стабильности», «политический аспект стабильности», «стабильность как равновесие в обществе», «стабильность как мир, отсутствие войны», «в нашем обществе на данный момент стабильности нет», «СССР – пример стабильности в обществе и государстве», «нет ответа». Однако можно предположить, что эта информация в большей степени характеризует рефлексивную позицию респондентов, которая находится под сильным давлением текущих событий и их интерпретации в СМИ (уровень общественного мнения). Представлялось важным проанализировать то, что осталось за пределами массового опроса.

Для выявления глубинного, неосознаваемого, автоматизированного уровня репрезентации стабильности использовались *психосемантические методы* (свободный ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал), дискурс-анализ, анализ визуальных образов. Психосемантические исследования и изучение визуальных символов проводились среди студентов Омских вузов (283 человека, возраст – 17–25 лет). Заметим, что традиционно для выявления глубинных основ интерпретации концептов привлекаются студенты университетов и колледжей в возрасте 17–25 лет, для которых язык стимулов является родным [9, 129–130].

Свободный ассоциативный эксперимент. Респондентам предлагался список, состоящий из двадцати шести слов. Наряду со словами из области политического лексикона (стабильность, порядок, безопасность, застой, хаос, демократия и др.) в опросник были включены общеупотребительные слова (страх, уверенность, мужчина, женщина и др.). Исследование проводилось в письменной форме. Респонденты должны были дать по три ассоциации (реакции) на каждое из слов-стимулов.

Поскольку сущность ассоциативного эксперимента заключается в том, что испытуемые реагируют на слово-стимул первым пришедшим в голову словом (словосочетанием), можно получить

важную информацию об обыденных неререфлексируемых определениях различных понятий. Эксперимент позволяет также получить информацию о социальном компоненте структуры значения слова. На основе данных о семантических полях ассоциирования социолог может проанализировать характерные категории мышления, символическую среду общества, социальный опыт группы и т.п. Полученные ассоциации несут информацию о категориальных структурах стабильности, которые могут не осознаваться как таковые. Также ассоциативный эксперимент удачно выявляет архетипические, литературно-художественные, квазинаучные образы, что позволяет проследить многомерность представления. Данные о частотности реакций дают возможность впоследствии построить когнитивную схему представления. Наконец, ассоциативный эксперимент помогает выявить связи между различными словами (*стабильность, порядок, хаос, уверенность* и т.п.).

Семантический дифференциал. Метод позволяет исследовать категориальные структуры сознания («несущие структуры»). Как пишет В.Ф. Петренко, «знания субъекта, его система значений, конструкторов в психосемантическом эксперименте задействованы в режиме употребления (а не интроспекции)» [10, с. 176]. Это обстоятельство помогает зафиксировать неосознаваемые значения концепта «стабильность», а именно: 1) построить семантические пространства, описывающие восприятие стабильности; 2) выявить семантическое сходство и различие слов «стабильность», «уверенность», «хаос», «развитие». В исследовании был использован адаптированный вариант семантического дифференциала Ч. Осгуда [11], который был дополнен еще шкалами-дескрипторами *вода – земля, женский – мужской*.

Трансимволический метод [12]. Цель метода – исследование символических комплексов, сложившихся в отношении различных концептов. С помощью метода выделяется структура символизирующего, а именно: *когнитивный символ*, возникающий в ходе первичной сигнификации, нарекающий предметы, процессы и

явления окружающего мира, реального или предлагаемого (существительное); *аффективный символ*, появляющийся в процессе вторичной сигнификации, отражающей свойства и качества предмета как морфологического, так и содержательного порядка (прилагательное); *деятельный символ*, отражающий связи и взаимодействия, в которые вступают между собой предметы, процессы и явления (глагол). Респондентам предлагалось ответить на вопросы (или закончить предложение) следующего характера: «Стабильность – это (что?)» (реконструкция когнитивного символа), «Стабильность (какая?)» (реконструкция аффективного символа), «Стабильность (делает что?)» (реконструкция деятельного символа)».

Дискурсивный анализ текста. В качестве дополнительного метода был использован дискурсивный анализ, который позволяет реконструировать основные смысловые категории стабильности. Это достигается за счет поэтапного исследования: 1) актуализации концептов; 2) цепей ассоциаций; 3) основных схем интерпретации (фреймов). Единицами анализа являются ключевые слова, посредством которых конкретизируется значение концепта «стабильность». Данный метод позволяет исследовать не только содержание текста, но и его контекст, оттенки значений и противоречия между ними. Дискурсивный анализ также помогает выявить метафоры стабильности, что имеет большое значение для анализа многомерности репрезентации стабильности. При отборе печатных изданий учитывались такие параметры, как тираж, продолжительность существования, степень политизированности, степень «обыденности» текстов, аудитория издания. Всего было отобрано четыре периодических издания: газеты «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Известия» и журнал «Огонек». В общей сложности было проанализировано более 400 текстов, содержащих тему стабильности. Хронологически были взяты газеты и журналы 1998–2002 гг. При анализе мифологизации и идеологизации стабильности были использованы материалы политической рекламы и сайтов политических партий «Единая Россия»,

КПРФ, ЛДПР, Яблоко, СПС, НБП. Дискурсивный анализ был проведен и применительно к текстам полуформализованных интервью (35 интервью).

Анализ визуальных образов. Изучение зрительных образов, не нагруженных конвенциональными значениями, имеет свои преимущества для выявления содержательной стороны представления. Так, рисуя, человек работает не со словами (синонимами, антонимами, ассоциациями), а получает возможность высветить объект в иной перспективе – через создание схемы, пиктограммы, образа. Восприятие визуального образа предполагает попытку анализа различных его составляющих¹.

Исследование визуального образа стабильности предполагало анализ актуализации символов и архетипов как некой общей «паутины значений» общества. Основной акцент исследования заключается в том, что при создании визуальных образов неминуемо проступает архетипический слой социального представления. Также выявлялось влияние социокультурного контекста на создание рисунка. Респондентам было предложено на пустых карточках (6x14 см) изобразить самую яркую ассоциацию со словом «стабильность». Всего было получено 207 карточек. Дополнительно были использованы визуальные образы стабильности, применяемые в рекламе.

2. Эмоционально-оценочный уровень представления («установка» по С. Московичи). Эмоциональный компонент – обяза-

¹ В качестве модели описания образа можно использовать разработки Ф.Е. Василюка, опирающегося на концепцию сознания А.Н. Леонтьева. Ф.Е. Василюк предлагает в качестве модели образа сознания структуру тетраэдра, вершины которого образованы: 1) предметным содержанием образа; 2) личностным смыслом; 3) значением; 4) словом. Объем тетраэдра заполнен «живой, текучей, дышащей плазмой чувственной ткани» [13]. Выделяются следующие полюсы образа — полюс предмета, полюс чувственной ткани предмета, полюс значения, полюс чувственной ткани значения, полюс личностного смысла и полюс чувственной ткани личностного смысла (эмоции), полюс слова или знака и чувственная ткань слова или знака.

тельный участник социального познания. Это своеобразное двойное дно представления, которое не осознается самими респондентами. Этот уровень репрезентации тесно связан с когнитивными процессами, ведь реальный человек всегда включает в познание свои эмоции. Как пишет представитель социального конструктивизма Р. Харре, «изучая словарь эмоций, мы узнаем не только таксономию телесных ощущений, но также сложную систему моральных утверждений и практических знаний здравого смысла» [14].

Выявление эмоциональных доминант позволяет детальнее анализировать многомерность представления о стабильности. *Эмоциональная доминанта*¹ – это «система эмотивных эталонов, характерных для определенного типа восприятия и оценивания, и являющаяся основой вербализации и метафоризации представления» [15]. Ассоциативное исследование выявило присутствие различных эмоционально-оценочных реакций. Эмоционально-оценочный уровень представления определяется при использовании вышеописанных методик (например, метод анализа визуальных образов фиксирует образы, опирающиеся на чувственное восприятие стабильности). Однако дискурсивный анализ текста и *психологический тест Люшера* позволяют выявить эмоциональные доминанты наиболее полно. С помощью теста Люшера можно зафиксировать неосознаваемые эмоциональные состояния личности, возникающие при восприятии стабильности. Как известно, цветовой тест успешно применяется при исследовании эмоциональных составляющих политических представлений.

3. Организационный уровень представления («поле представления» по С. Московичи) – это соотношение между знаниями,

¹ Термин «эмоциональная доминанта» заимствован у В.В. Белянина, разработавшего метод психоаналитического анализа текста и выделившего следующие типы текстов: веселый, светлый, печальный, темный, красивый, смешанный. В основу типологии был положен психиатрический критерий, а именно типы акцентуации личности (маниакальность, паранойяльность, депрессивность, эпилептоидность, истероидность).

организация содержания знания с качественной стороны. Понятие «поле представления» близко по своему значению понятию «когнитивная схема» [16]. В свою очередь *когнитивная схема* может быть определена как структура данных, репрезентирующая хранимые в памяти общие понятия. Когнитивный антрополог Д. Рамельхарт [17, р. 34] определяет схемы как строительные блоки мышления, включенные в процесс интерпретации чувственных данных, организацию действия, определение целей, распределение ресурсов и, в целом, в управление системой. Построение когнитивной схемы стабильности позволяет выявить некую общую структуру восприятия и интерпретации стабильности, укорененную глубоко в языке и обусловленную общим социокультурным опытом.

Когнитивная схема стабильности строилась на основе частотности слов-ассоциаций, факторного анализ данных семантического дифференциала, результатов дискурс-анализа (фреймы). Также использовался метод реконструкции логико-метафорических структур понятия. Указанный метод сформулирован Дж. Лакоффом и М. Джонсоном и уже неоднократно применялся российскими исследователями.

«ОБЪЯСНЯЯ СТАБИЛЬНОСТЬ»: когнитивный уровень повседневного представления о стабильности

Показательно, что на когнитивном уровне сосуществуют несколько доминантных переменных. По данным свободного ассоциативного эксперимента и транссимволического исследования частотными являются следующие ассоциации: во-первых, *порядок* (6,4% ассоциаций, 10,6% когнитивных символов), во-вторых, близкие понятия *равновесие, постоянство, покой, неизменность* (все эти слова и их синонимы составили 14,9% всех ассоциаций, 20% когнитивных символов). Такой важный признак стабильности, как способность возвращаться в состояние равновесия в слу-

чае вынужденных отклонений, занимает меньшее место в ассоциациях (4,9% ассоциаций). Еще меньшее внимание информантов привлекают динамические, координирующие и управленческие свойства стабильности (2,8%, 2%, 4,16% ассоциаций). Очевидно, что для респондентов стабильность – это прежде всего *равновесный порядок*.

На рефлексированном уровне переменные «порядок» и «равновесие» представлены следующими высказываниями респондентов:

- «Стабильность – это когда не происходит никаких изменений».
- «Стабильность – система, гарантирующая порядок и регулярность».
- «Стабильное общество не изменяется и не растет ни в сторону улучшения, ни в сторону ухудшения».
- «Стабильность – отсутствие движения вперед, застой».
- «Стабильность – перерыв между фазами изменения».

Очевидно несовпадение научного и повседневного представления о стабильности. Давая определение, респонденты чаще отождествляют стабильность с равновесием, неизменностью, покоем, что не соответствует естественнонаучному взгляду.

Анализ ассоциаций позволяет предположить, что большое значение при формировании представления о стабильности имеет чувственный образ устойчивости (А.Н. Леонтьев) или так называемое базисное знание¹ (А. Шюц). Чувственная ткань сознания основана в первую очередь на непосредственном опыте. Именно она является началом дальнейшего познания. «Особая функция чувственных образов состоит в том, что они придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту. Этот уровень знания чрезвычайно предметен, однако еще не имеет четкой выраженности в языке» [18, с. 172]. Мы ощущаем устойчивость/не-

¹ Базисное знание (А. Шюц) – знание собственного тела, зафиксированное в сознании, органах чувств и двигательном аппарате и дающее, в свою очередь, знание стандартных ситуаций деятельности.

устойчивость положения автомобиля, обуви на высоких каблуках, роликовых коньков, мебели и т.п. Мы ясно можем отличить стабильное состояние от нестабильного, но, возможно, будем испытывать большое затруднение, пытаясь выразить это отличие в словах.

Второй важной переменной когнитивного уровня является переменная «уверенность». Смысл репрезентации стабильности – это всегда ожидание уверенности в сегодняшнем и особенно в завтрашнем дне. Ассоциация «уверенность»¹ (вариант «уверенность в завтрашнем дне») составила 6,3% реакций в свободном ассоциативном эксперименте и 21,2% в транссимволическом исследовании, предлагающем закончить предложение «Стабильность – это ... (что)?».

На рефлексированном уровне уверенность мыслится прежде всего как уверенность в самой возможности и «правильности» стабильности («Я считаю, что общество строится на основе стремления к стабильности взаимоотношений», «Нам всем нужна стабильность», «Молодежь, как в прочем и взрослые, нуждается в стабильности», «Стабильность лишней не бывает»). Стабильность воспринимается как нечто самоочевидное. Ее ожидают, с ней связывают надежды и планы.

Уверенность предполагает определенность, предрешенность, подотчетность, калькулируемость жизни. При стабильности человек, опираясь на прошлый опыт (ретроспективность), оценивая настоящее (презентизм), имеет возможность в будущем «получить», «обладать», «чувствовать» ожидаемое (*временной аспект*). Определенность стабильной жизни предполагает и наличие *источника и гаранта* стабильности: государства, Бога, самого человека.

¹ Метод семантического дифференциала выявил и сходство, и различия концептов «стабильность» и «уверенность». Многие показатели совпадают, однако при этом «уверенность» оценивается более позитивно и четко. Это связано не только с тем, что само слово «уверенность» более эмоционально окрашено, но и с тем, что оно обладает большей когнитивной ясностью и однозначностью по сравнению со словом «стабильность».

«В стабильном обществе должна быть стабильная власть, управление, а не так как у нас каждый год происходят выборы то главы государства, то главы местного самоуправления, то в Государственную думу или в другие».

«В стабильном обществе население должно быть социально защищено. В этом обществе не должно быть беспорядка во всех сферах жизни, не должно быть страха у людей за свое будущее, будущее своих детей».

«В этом мире постоянен и неизменен только Бог. Я выбираю веру в Бога».

«Бери и делай все сам. Чудес не бывает».

Таким образом, уверенность является своеобразной формой редуцирования сложности, противостояния хаосу, стремления наложить ограничения на беспорядок.

В основе концепта «стабильность» также лежит смысловая оппозиция понятию «хаос», являющемуся базовым в сознании человека. По данным нашего исследования в неоконченном предложении «Отсутствие стабильности означает...» 14,38% респондентов указали понятие «хаос» и 8,9% – его синоним «беспорядок». Таким образом, концепт «стабильность» пересекся с универсальной оппозицией «космос (порядок) – хаос». Вместе с тем, обращает на себя внимание образность и архетипичность концепта «хаос» и низкая частотность образных и архетипических ассоциаций «стабильности».

Последняя важная переменная когнитивного уровня стабильности – слово «застой» (5) (вариант – «стагнация»). Согласимся с тем, что «в комментариях аналитиков зазвучало слово “застой” – как объяснительный концепт такой социально-экономической ситуации, когда надежды на реализацию жизненных планов в ближайшем будущем исчезают, а негативные практики, распространение и воспроизводство которых, как казалось многим, определялось обстоятельствами переходного периода, закрепляются в качестве институциональных правил» [19]. Вместе с тем, исследования показывают, что стабильность для обыденного человека –

это не синоним стабильности, а вариант ее осмысления. В исследовании ФОМ только 13 процентов респондентов рассматривают стабильность как «застой». В нашем исследовании ассоциация «застой» отнесена к низкочастотным.

Присоединимся также к мнению, что люди «оценивают свою жизнь как стабильную в том случае, если происходит постоянное улучшение ситуации. Если улучшения не происходит, то такая стабильность называется застоем. Причем важно не объективное улучшение (например, экономический рост или повышение благосостояния населения), а субъективное восприятие – стало лучше жить или не стало. Поэтому самое важное для властимущих в эпоху застоя – это убедить народ, что жить стало хорошо, жить стало веселее» [20]. Таким образом, в этом аспекте представления проявляется *относительный* характер смыслополагания стабильности.

Содержательное наполнение когнитивного уровня осуществляется через категоризацию¹ и последующие *символизацию* и *метафоризацию*² стабильности. Рассматривая символы стабильности, можно выделить три группы.

1. Символы, характеризующие «стабильность» как социальное явление. В эту группу отнесены ассоциации, которые связывают стабильность с определенным социальным аспектом – социальным взаимодействием (3,2% ассоциаций): *общество, сплоченность, верность, люди, дружба и др.*, семьей (3,6%): *семья, дом, муж, мужчина, родители, мама, дети*, политикой (8,1%): *государство, страна, законность, политика, Путин, Брежнев*,

¹ Категоризация понимается как отнесение каждого нового воспринимаемого объекта к некоторому классу подобных или уже известных ранее объектов.

² Символы понимаются как основные культурные смыслы, а метафора как принцип связи всех элементов реальности в единую картину. В пределе своем метафора, как и образ, стремится к символу, хотя на уровне философского языка любой символ – это метафора, а метафора – это символ [21].

монархия, СССР, США, Швейцария, немцы и др., экономикой (15,7%): *деньги, работа, успех, экономика, заработная плата, достаток, банк, карьера, рубль, доллар и др.* Иными словами, представление о стабильности является социально актуализированным. Распространенность политических, экономических, социальных ассоциаций стабильности, очевидно, обусловлена тем, что ответы респондентов связаны с их переживаниями и осознанием происходящих в стране и мире событий. При этом особо показательна высокая частотность экономических символов.

2. Символы, ассоциирующие стабильность с явлениями природы и предметами (4,5%): *камень, железо, море, вода, свет, солнце, чугун, сталь, дуб, стена, кирпич.*

3. Научные символы (2,2%): *константность, const, Ляпунов, инвариантность, континуум, минимум отклонений, минимум потенциальной энергии, изотоп и др.*

Визуальные репрезентации стабильности (рисунки респондентов) также демонстрируют очень богатую символику. Среди графических пиктограмм наиболее распространены следующие символы:

- **Квадрат.** В символике квадрат олицетворяет земное существование, статичную безупречность и совершенство, неизменность, интеграцию. Также квадрат часто ассоциируется с мужским началом, дает ощущение стабильности, надежности, законности, консерватизма и верности традициям.

- **Куб** символизирует устойчивость и твердость здравого ума, стойкость добродетели, суровую дисциплину и т.п.

- **Пирамида** является синонимом неизменности мира. Это своеобразный вызов вечности. Прочность этой фигуры символически отрицает смерть.

- **Круг.** Если квадрат в символике соответствует земле и человеку, то круг – самому богу и небу. Форма этой фигуры олицетворяет вечность, бесконечность, циклическую концепцию времени и т.д. Также круг является символом постоянства и неизменности: *все заканчивается там же, где и началось.*

Далее перейдем к важному аспекту: стабильность является понятием *метафорическим*, т.е. осмысливается и переживается «в терминах явлений другого рода». Как указывают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «метафоры не ограничиваются лишь одной сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны» [22]. Метафоры стабильности проявляются и на нерелексируемом, и на релексируемом уровне, но, как правило, в ситуации, когда респонденту сложно понятийно выразить сущность концепта «стабильность». Метафоризация предполагает переоценку явления применительно к новому контексту, текущим событиям, проблемным ситуациям.

Абстрактный смысл стабильности связывается со смыслом более понятных и чувственно воспринимаемых явлений: *дома, якоря, болота и смерти*. В то же время, как пишет Л.Д. Гудков, «функциональный смысл метафорической структуры заключается в том, что благодаря ей становится возможным последующее конструирование “идеальных” объектов, в семантике которых функции “экзистенциального” предиката замещены ценностными проекциями автора или субъекта высказывания» [23, с. 385–386]. Тем самым происходит обмен между концептами, движение от прототипа к образу на основе общей структуры. Метафоры стабильности обладают значительной генеративной силой – они проявляют себя в различных образах, каждый из которых раскрывает особые их грани. Рассматривая метафоры стабильности, отметим, что они относятся к типу так называемых онтологических метафор – представления данных нашего опыта в виде предметов или веществ.

Метафора «Стабильность есть сущность». Взгляд на стабильность как на сущность позволяет рассуждать о ней, характеризовать ее количественно, выделять разные аспекты, рассматривать ее причины и даже воображать, что можно понять природу стабильности. Как указывают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «подобного рода онтологические метафоры необходимы для рационального обращения с данными нашего опыта» [22, с. 387–415].

Диапазон речевых выражений этой метафоры очень широк: «*восстановление стабильности*», «*от конфликта – к стабильности*», «*обеспечение стабильности*», «*наступление стабильности*», «*обещание стабильности*», «*привнесение стабильности*», «*достижение стабильности*», «*укрепление стабильности*», «*гарантия стабильности*», «*...является основой стабильности*», «*нарушение стабильности*», «*угроза стабильности*», «*потеря стабильности*» и т.п.

Через призму этой метафоры концептуализируется определенная модель отношений между индивидом и обществом, между гражданином и государством, между личностью и централизованной идеологической системой.

Метафора «Стабильность есть дом». Дом – глубочайший архетип и возвышенный образ. Рассмотрение стабильности по аналогии с домом позволяет сосредоточить внимание на таких аспектах стабильности как необходимость, «правильность», близость, душевность («*комфортная стабильность*», «*домашняя стабильность*», «*теплая стабильность*»). Осмысление стабильности как дома предполагает обращение к любимым объектам (*стабильность как «любимое кресло, мягкие тапочки, теплый плед, мерцание телевизора в темноте», стабильность как «комодик, покрытый кисейной салфеточкой, на нем семь слоников на счастье, рядом фикус в кадке», стабильность как «солидный холодильник», стабильность «каждодневной яичницы», стабильность как «кошечка – символ мира, благополучия, здоровья», стабильность как «загородный дом с небольшим уютным садом»*).

В обращении Президента России Б.Н. Ельцина 27.06.97 прозвучала именно метафора «Стабильность-Дом». Метафорой вселенских перемен оказались новые названия стиральных порошков, символом же стабильности – комод, на котором стоит фотография:

«Многое из того, что окружало пожилых людей еще каких-нибудь 10 лет назад, теперь стало совсем другим. Поменялись названия улиц и городов. Марки стиральных порошков и бытовой техники.

*Новые, незнакомые слова звучат с экранов телевизоров. Со всем этим нелегко справиться пожилому человеку. Если даже **фотографию на комод** он не переставлял уже лет 20!*

Однако апелляция к стабильности как дому может вызывать и негативное отношение: «Годами мы не можем расстаться с любимыми, но уже “позорными” тапочками и потертым махровым халатом».

Метафора «Стабильность есть якорь (лодка, корабль)». Метафора якоря предлагает обретение стабильности посредством присоединения чего-то зыбкого (лодка, плывущая по воде, корабль) к грунту под водой. «Заякоренность» или наличие опоры дает поддержку.

*«Экономика сорвалась с **якоря** стабильности».*

*«С образом Черномырдина накрепко связаны слова “компромисс” и “стабильность”. Основной лозунг Черномырдина – “не надо раскачивать **лодку**” – стал лейтмотивом его деятельности».*

*«Стабильность – это когда тебя не подбрасывает из стороны в сторону, как небольшую **лодку** в шторм».*

*«Россия – огромный **корабль**, и при движении по прямой ей помогает инерция. Резкие повороты смертельно опасны. Ключевое слово для нас – стабильность, и запас балласта в трюмах важнее емкости парусов. Страна довольно быстро выплывет из тупика большевистской экономики – и выплывет, если к рулю не прорвется...».*

*«Трудно раскачивать **лодку**, лежащую на дне».*

Метафора «Стабильность есть болото». Такая метафора предполагает отношение к стабильности как отсутствию изменений, вызывающему чувство тоски, скуки и уныния:

*«Стабильность – **болото**, которое ведет к деградации».*

*«Лишенное бродильной закваски, советское общество в 70-е годы достигло стабильности **болота**».*

*«Обыватели и пошляки тянут нас в **трясину** тоскливой стабильности».*

*«А сейчас это **тина и болото**. И мы все глубже погружаемся».*

Вместе с тем, данная метафора может нести и предостережение: *«На первый взгляд кажется, что валютный рынок обрел стабильность. Но, как говорится, “в тихом омуте черти водятся”».*

Метафора «Стабильность есть смерть». Она относится к негативному восприятию. Стабильность означает остановку развития, распад, конец истории. Безысходность, апатия, тоска, опустошенность, увядание – все эти мотивы характерны для метафоры смерти. Респонденты нередко сравнивают стабильность с кладбищем, гробом, могилой:

«Мне кажется, что стабильность **мертвечиной** какой-то отдает...».

«Я попробовал, как Вы предлагаете, мысленно смоделировать условия наибольшей стабильности социума, и почему-то моему мысленному взору представилось **кладбище**».

«Однако кому нужна “стабильность **кладбища**”, где остановилась жизнь?».

«Главное – покой и стабильность, пусть даже и в **гробу**».

«Ельцин – стабильность **в коме** / демократия в **гробу**».

«Не знаю, что в этом было хорошего: это была “стабильность” **могилы**, не было никакой надежды на лучшую жизнь (про “застой” 70-х гг.)».

Отношение к стабильности как к смерти реализуется и через обращение к мотиву **«холода»**:

«Что до русско-нидерландских семей, то наблюдения за ними показали следующее: 1) в ситуациях “голландский муж, русская жена” чаще всего имеет место “**холодная стабильность**”...» (Огонек. 1998. № 36).

Таким образом, **метафоричность** – важная черта социального представления о стабильности как социокультурной конструкции. Метафоры необходимы, чтобы выразить тот сложный смысл стабильности, который не под силу понятиям.

Сравнивая данные, полученные с осознаваемого и неосознаваемого уровней, необходимо заметить, что явного противоречия

между ними не выявлено. Интервью и дискурсивный анализ позволили проанализировать, что конкретно подразумевается под ключевыми словами, посредством которых описывается стабильность. Однако на неосознаваемом уровне чаще воспроизводятся автоматизированные, клишированные объяснительные схемы, основанные на физическом, телесном опыте. Таким образом, этот уровень менее социально актуализирован, чем осознаваемый (например, экономические и политические символы здесь составляют 23,5%). Данные исследования также позволяют предположить, что абстрактный концепт «стабильность» выступает как расширение физического концепта «равновесие».

«ЧУВСТВУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ»: эмоциональные доминанты повседневного представления о стабильности

На эмоционально-оценочном уровне представления выделяются собственно момент эмоционального переживания стабильности (переменные 6, 7, 8, 9 на схеме 1) и аксиологический (*идеал, фикция*: переменные 10, 11).

Эмоциональный уровень представления также многомерен. Для «светлого» эмоционального отношения (6) характерно ощущение безопасности и спокойствия, благополучия и процветания. Возвышенная лексика в полной мере отражает эти мысли. Иногда присутствует назидательный тон повествования. Используются слова «истина», «правда», «честность», «искренность», «порядочность», «патриотизм», «борьба», «справедливость». В качестве примера «светлой» эмоциональной доминанты можно привести следующие тексты:

«Предел моих **мечтаний** – стабильность в квадрате».

«Что удалось за эти семь лет? – Самое главное – удалось сохранить стабильность, мы обошлись без войн» (Огонек. 2001. № 32).

«Наконец вы почувствуете **прелести** своего стабильного, устойчивого положения. Попав в полный штиль, не раскачивайте лодку.

Иначе скоро обнаружите, что ваши энергетические запасы не безграничны» (Огонек. 1999. № 14).

«Хоть ты тресни – нет стабильности. Эх, если бы еще избавиться от нестабильности!» (Известия. 2002. 9 авг.).

«Хороший банк – устойчивый банк» (реклама).

Дискурсивный анализ выявил следующие семантические компоненты светлого эмоционального отношения к стабильности: *безопасная, благополучная, благоприятная, желательная, мирная, надежная, добрая, непоколебимая, положительная, сильная, полезная народу, процветающая, спокойная, успешная, семейная, нормальная, основательная.*

Для «веселой» эмоциональной доминанты (7) характерно приподнятое настроение, возбуждение, легкость. Эту доминанту легко обнаружить по оптимистичному тону повествования, ощущению удовлетворенности, успеха и благополучия. В «веселых» повествованиях нет суетной житейской озабоченности. Тексты пронизаны душевным теплом, оптимизмом, уютом, ощущением понятности мира.

Показательны следующие тексты наших респондентов:

*«Что значит быть стабильным в нестабильном мире? – Надо не терять своей индивидуальности, **радоваться** тому, что уже есть у тебя: **солнцу, небу, друзьям и всем, всем, всем, чувствовать** жизнь».*

*«Каким я вижу стабильный мир? – **Добрым, ярким, с фруктами,** без корысти, алчности, радиоактивных отходов. Чтоб в России не было двух проблем: дураков и дорог. Чтоб не было лицемерия и лжи или хотя бы в небольшом проценте. Побольше разума, **активности, простоты и любви.** Отсутствие войн и расовой дискриминации!!! По принципу вечного Леопольда: “Ребята, давайте жить **дружно!**”».*

Наиболее характерными для «веселой» доминанты являются следующие эпитеты: *веселая, радостная, теплая, хорошая, мягкая, прекрасная, душевная, классная, комфортная, манящая к себе, большая и пушистая, раскованная, свободная, долгожданная.*

«Тревожная» эмоциональная доминанта (8) также была зафиксирована в ходе исследования. Заметим, что само по себе состояние тревожности – тема специального изучения. Имеется множество социологических и психологических исследований. Основной компонент «тревожной» доминанты – **страх**. Именно страх потерять стабильность и покой характерен для следующих текстов:

*«При попытках ввести что-то новое я резко теряю... В последние месяцы даже вообще боязнь смотреть и читать что-то новое и уж тем более проверять на практике. С одной стороны вроде и хорошо, с другой, понимаю, что далеко от совершенства, но именно совершенствоваться и не хочется из-за **страха потерять необходимую стабильность**. Тем более, что и опыт не так велик...».*
*«Сейчас все более или менее устойчиво: семья, учеба, друзья. Но **ужас** как **страшно** в один день ощутить, что все полетело в тар-тарары. Даже **жутко** представить...».*

Данная эмоциональная доминанта предполагает использование ключевых слов «светлой» или даже «веселой» доминанты. Но наиболее характерными для нее являются следующие эпитеты: *страх, волнение, беспокойство, тревога, ужас, предостережение, тяжесть, ненавидит беспорядок, стена, крепость, замкнутое пространство, мысли о смерти.*

«Печальная» эмоциональная доминанта (9) обычно предполагает отрицательное отношение к стабильности. Можно легко обнаружить тему **скуки**, усталости, депрессии. Вот, к примеру, несколько текстов и наших респондентов, и профессиональных журналистов:

*«Стабильная жизнь, я считаю, **скучна, однообразна и неинтересна**».*
*«Но лично для меня стабильность покажется **скудной** штукой (я исключаю изменения цен)».*
*«Стабильность **застоялась**... Кстати, по некоторым внешним признакам порой стабильность ничем не отличить от **застоя**. Очень важно не спутать» (Известия. 2001. 3 сент.)*

«Несмотря на то, что – подчеркиваю – какая-то стабильность у нас наступает, она какая-то **безрадостная и серая**».

Стабильность в «печальных» текстах нередко «лишена» интеллектуальности, например: «*Дачность – это такая чисто славянская бабскость, **тупая стабильность, огородное счастье обывателя. Дача формирует обывателя. Нужно лишать людей дач***» (Огонек. 1998. № 36).

К «печальной» доминанте мы отнесли и явно агрессивные высказывания относительно стабильности: «*Стабильность повседневности, хотя она несет в себе повторяемость и покой, мне ужасно **враждебна**. Я вообще **не переношу**, если она длится долго. Хочется ее **убить***».

В целом данная эмоциональная доминанта реализуется при помощи следующих ассоциаций: *скучная, зыбкая, серая, холодная, мертвая, безликая, тоскливая, жесткая, очень ненадежная, иногда надоедает, плохая, шероховатая, тупая, никакая, непостоянная*.

Психологический тест Люшера подтвердил наличие разных эмоциональных доминант. Стабильность ассоциируется сразу с несколькими цветами, что подчеркивает многомерность образа: с синим цветом (21,2% ответов), зеленым (20,2%), серым (14%), желтым (12,1%), красным (6,5%). Таким образом, стабильность имеет несколько эмоциональных выражений: спокойное принятие стабильности (синий, зеленый), радостное восприятие (желтый), настороженное отношение (серый), динамичная акцентуация (красный), идеализация (фиолетовый), неприятие (черный), дискомфорт (коричневый).

Фиксирование личной позиции по отношению к стабильности выражается и в ценностном аспекте¹. Так, несмотря на ярко выра-

¹ В исследовании не ставилась цель количественно определить соотношение негативного и позитивного отношения к стабильности. Вместе с тем, очевидно значительное преобладание позитивной оценки (лишь 3,4% негативных свободных ассоциаций, 9,3% негативных аффективных символов, 22% негативных

женное социальное звучание и ориентации на будничные житейские проблемы, образ стабильности – это идеальное образование (10). Нередко стабильность окружается почти мистическим ореолом и воспринимается как «царство добра и справедливости». Для такого понимания характерно отношение к миру как «правильному миру». Интерпретации наших респондентов, описывающие этот «правильный мир», воспроизводят идею гармонии, прочности, силы, конформизма. Идея стабильности становится частью картины, изображающей радостную и стремящуюся к совершенству жизнь.

*«Стабильное общество – это есть **идеальное** общество. В таком обществе все бы подчинялись определенным законам. Не было бы преступности (т.е. если бы люди жили в достатке, то не было бы такого вида преступления, как кражи). Если бы не было алкоголя, наркотиков, то не происходили бы разбои, нападения, изнасилования и улицы города были бы намного чище (т.е. бутылки, окурки и т.д.). В этом обществе не было бы несправедливости, а также наглости, крохоборства, эгоизма. Каждый бы человек жил так, как он хочет, а также помогал бы другому. В этом обществе не должно быть неравности (т.е. все люди должны быть равными), чтобы не было богатых, бедных (нищих), а если все будут равны, то не будет угнетения, т.е. все будут богатые, либо бедные. А для этого нужно, чтобы все люди работали и получали одинаковую зарплату».*

Однако, рассматривая повседневное представление о стабильности, необходимо также отметить его двойственность на ценностном уровне. Стабильность может восприниматься не только как идеал, но и как утопия, фикция, миф (11). При этом интерпретация как бы легализует изменение и нестабильность. Страх перед потерей стабильности практически отсутствует. Жизнь воспринимается как постоянное развитие, конфликт, борьба (идея «непра-

оценок по данным теста Люшера, 2% отрицательных ответов и 71% позитивных по данным исследования ФОМ (см. [28]).

вильного мира»). Вот несколько суждений из области «наивной» философии нестабильности:

«Представьте картину: “Герой разясняет ценность стабильности общества участникам холерного бунта”. **Не** считаю я стабильность общества ценностью».

«Я **не** могу себе представить стабильное общество. Каким образом это может быть?».

«В действительности весь мир вокруг нас – **одна сплошная нестабильность**».

«... стабильности, как таковой, не существует – это **метафора**».

«ИГРАЯ СО СТАБИЛЬНОСТЬЮ»: идеологические контуры стабильности

При построении когнитивной схемы стабильности (схема 1), учитывались следующие переменные когнитивного и эмоционально-оценочного уровней: *порядок (1), равновесие (2), уверенность (4), хаос (3), застой (5), светлая (6), веселая (7), тревожная (8), печальная (9) доминанты, положительная (10) и отрицательная (11) оценки стабильности.*

Отметим *причинно-следственные связи*, присутствующие в предлагаемой когнитивной схеме. Связь, усиливающая результат функционирования объекта, называется положительной (знак «+»). Связь, уменьшающая результат функционирования объекта, называется отрицательной (знак «-»). Дуги обратной связи «стабильность-светло», «стабильность-весело», «стабильность-печально» имеют положительный знак. Однако связь «стабильность-тревожно» может иметь и положительный, и отрицательный знаки. В случае если тревога связана со страхом потери стабильности, нестабильность приводит к росту тревожности (отрицательная обратная связь). Напротив, если тревожность связана с восприятием стабильности как застоя, то нарастание стабильности ведет к росту тревоги (положительная связь).

Различные оценки стабильности обуславливают отличающиеся установки на конкретную ситуацию: *ожидание стабильности* (поддержка, приветствие). Ее образным воплощением может быть фраза «*Даешь стабильность!*»:

«*Навести порядок в стране!*».
«*Хотелось бы, чтобы в жизни было больше стабильности*».
«*Стабильность чтобы была...*».
«*Мечта в жизни: стабильность*».
«*От нового года я жду стабильности, благополучия*».
«*Очень хочется стабильности*».
«*Мы требуем стабильности*».

и *отрицание стабильности* (неверие, скепсис и т.п.). Образное воплощение этой установки фраза «*Долой стабильность!*»:

«*Эх, как бы так исхитриться и камня на камне не оставить от той стабильности своей жизни, которую я так ненавижу?*».
«*Я не верю в стабильность...*».
«*Просто есть люди, ненавидящие перемены, а есть люди также сильно ненавидящие стабильность, постоянство и спокойствие. Я из разряда вторых*».
«*Я люблю хаос и люблю, как этот хаос выливается на улицу*».
«*Долой Стабильность! Стабильность никуда не годится! Даешь Хаос! Да здравствует Хаос!*».

Построение когнитивной схемы повседневного представления о стабильности позволяет провести хотя бы предварительную интерпретацию вероятных способов употребления понятия «стабильность». Графически схему можно изобразить следующим образом.

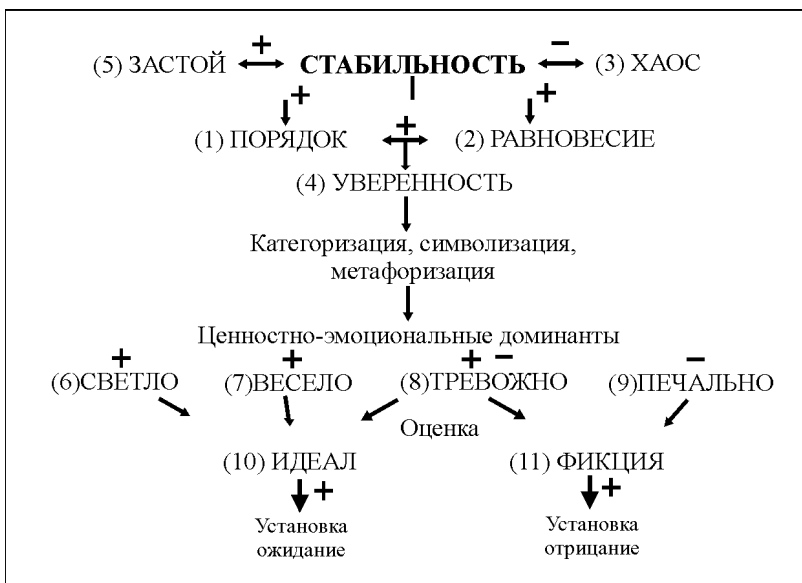

Схема 1. Когнитивная схема повседневного представления о стабильности

Подводя итоги, можно отметить, что концепт «стабильность» и представление о стабильности являются сложным, многоступенчатым образованием, состоят из ряда статичных и динамичных элементов, находящихся в состоянии диалога. По своему когнитивному характеру «стабильность» клиширована, метафорична, социально актуализирована. Идея стабильности является воплощением модели мира, предполагающей порядок, правилосообразность, гармонию, прочность и силу. Вместе с тем, репрезентация стабильности не всегда предполагает картину радостной, стремящейся к совершенству жизни. Устойчивость может вызывать чувство скуки, страха или тревоги за будущее. Несмотря на это концепт выполняет определенные функции в обществе, важнейшими из которых являются поддержание порядка и социальной психотерапии.

Однако при сопоставлении результатов исследования возникают новые темы для дискуссии. Во-первых, показательное отсутствие в ассоциативном поле понятия «стабильность» литературно-художественных образов. Не зафиксировано и наличие так называемых логоэпистем – знания, несомого словом как таковым – его внутренней формой, его индивидуальной историей, его собственными связями с культурой (например, логоэпистема – «Человек в футляре», «Человек – это звучит гордо» и т.п.). Во-вторых, требует осмысления низкая частотность образных ассоциаций (в отличие от понятия «равновесие» и «хаос»). В-третьих, в отличие от понятия «хаос» и «равновесие» ассоциативное поле «стабильность» почти не содержит явных архетипических символов (исключения составляют визуальные символы, которые, впрочем, обладают определенной спецификой).

Низкая частотность образных ассоциаций свидетельствует о принадлежности слова «стабильность» к книжной лексике. Эта стилистическая окраска предполагает использование слова, прежде всего, в политической, законодательной, научной сфере. В повседневную жизнь слово «стабильность», возможно, перемещается искусственно.

В этом случае можно предположить, что универсальный для социального знания концепт «стабильность» («устойчивость») не имеет глубоко разработанной репрезентации и богатейшей традиции в составе русской культуры (в отличие от концепта «порядок», «правда», «добро», «справедливость», «мир»). Например, исследование Е.А. Климова, посвященное анализу системных идей в российских пословицах, показало, что тема стабильности (покоя, равновесия) значительно уступает теме неизбежности конфликтов, необратимости изменений и т.п. [24]. В свою очередь, как пишет О.С. Советова, «в реальности изменения и время существуют всегда, а идея стабильности является лишь вспомогательным, подручным средством, “для удобства”» [25, с. 42].

На основании сказанного, можно заключить, что концепт «стабильность» является не базовым концептом, а вторичным, произ-

водным от таких констант сознания как «порядок», «хаос», «равновесие», а возможно, и таких древнерусских концептов как «лад», «уклад», «устой», «мир». В самом общем и абстрактном виде можно также утверждать, что имеется существенный разрыв между реальностью (устойчивость-неустойчивость общества и мира в целом) и репрезентацией. Повседневное представление о стабильности всегда относительно: тема стабильности – не столько фактическое очертание параметров стабильного общества, сколько философия и идеология (упорно внедряемые и, кажется, небезуспешно).

Здесь следует подчеркнуть значение негативной доминанты в российском повседневном сознании. Согласимся с Ю.А. Левандой в том, что «сам характер ценностного самоопределения нынешнего общества – преобладающих лозунгов, требований, ожиданий – это, прежде всего, запрещенное в формальной логике “определение через отрицание”. Даже преобладающее ныне во всех списках популярных – и разделяемых во всех группах и течениях – лозунгов требование “порядка” и “стабильности” на деле имеет *негативное* содержание (отрицание беспорядка и неустойчивости)» [26, с. 55]. Приведем здесь также слова Славоя Жижека: «Репрезентация восполняет пустоту утраченного объекта» [27, с. 163].

Возникает предположение о механизме *легитимации* и *идеологизации* стабильности. Архетипическая идея стабильности служит задачам сегодняшнего дня. Идея стабильности становится искусным и изошренным механизмом манипуляции, доминирования и давления. Иными словами, репрезентации стабильности, с одной стороны, легитимируют государство, а с другой – легитимируются им самим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамардашвили М. Эстетика мышления. М., 2000.
2. Усманова А. Репрезентация как присвоение: к проблеме существования другого в дискурсе // http://lacan.narod.ru/ind_lak/oni_4.htm.

3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
4. Джерджен К. Социальное конструирование и педагогическая практика // Образовательные практики: амплификация маргинальности. Минск, 2000.
5. *Moscovici S, Peres J.* Representations of Society and Prejudices // *Papers on Social Representations*. 1997. Vol. 6.
6. Емельянова Т.П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6.
7. Маркова И. Социальные репрезентации демократии в обыденном и рефлексивном мышлении // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 5.
8. Фонд «Общественное мнение». «Что такое, по Вашему мнению, стабильность в обществе, в государстве?» 13-14.01.2001 // <http://bd.fom.ru/report/map/d010124>; <http://bd.fom.ru/report/map/of010102>; исследование «Перемены и стабильность», 06.02.2003 // <http://bd.fom.ru/report/map/d030928>; <http://bd.fom.ru/report/map/tb0309106>; <http://bd.fom.ru/report/map/d030912>.
9. Белянин В.В. Психолингвистика. 2003.
10. Петренко В.Ф., Митина О.В. Анализ динамики общественного сознания. Смоленск, 1997.
11. *Semantic Differential Technique: A Sourcebook* / Ed. by J. Shider, Ch. Osgood. Chicago Adline Publishing Company, 1969.
12. Кармадонов О.А. Семантика политического пространства: опыт кросс-культурного трансимволического исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.1. № 4.
13. Васлюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1995. № 3.
14. Харре Р. Грамматика и лексика – векторы социальных представлений // Вопросы социологии. 1993. № 1–2.
15. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: Модели мира в литературе. М., 2000.
16. *Capozza D., Falvo R., Robusto E., Orlando A.* Beliefs about Internet: Methods of Elicitation and Measurement // *Papers on Social Representations*. 2003. Vol. 12.
17. *Rumelhart D.E.* Schemata: the Building Blocks of Cognition // *Theoretical Issues in Reading Comprehension. Perspectives from Cognitive Psychology, Linguistics, Artificial Intelligence, and Education* / Ed. by Rand J. Spiro, B.C. Bruce, W.F. Brewer. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1980.
18. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность // Собр. соч.: В 2 т. М., 1983. Т. 2.
19. Исследование Фонда «Общественное мнение»: «Перемены и стабильность», 06.02.2003 // <http://bd.fom.ru/report/map/d030928>; <http://bd.fom.ru/report/map/tb0309106>.
20. Корецкий А., Валерьева О. Застой или стабильность? Публикация Ассоциации региональных социологических центров // Вечерний Челябинск. 2003. 16 мая.

Комплексный подход к исследованию социального представления...

21. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
22. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
23. Гудков Л.Д. Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии. М., 1994.
24. Климов Е.А. Идеи системного подхода в народном сознании // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 4, Психология. 1993. № 3.
25. Советова О.С. Основы социальной психологии инноваций. СПб., 2000.
26. Левада Ю.А. От мнений к пониманию: Социологические очерки. 1993–2000. М., 2000. Гл. 4.
27. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.